

Лю Чанфэй был двоюродным братом Лю Чансина, и он был единственным ребёнком у его дяди. С детства его баловала тётя Лю, и он рос избалованным. Раньше, играя с деревенскими детьми, он часто плакал и жаловался взрослым, и после нескольких таких случаев дети перестали брать его с собой, дав ему прозвище «плакса».

Лю Чанфэй целыми днями сидел дома и играл один, у него почти не было друзей среди сверстников. Поэтому, когда Лю Сычэнь сам пришёл к нему, тётя Лю была очень рада.

На самом деле Лю Сычэнь пришёл сгоряча, чтобы увидеть Гу Яо, но, оказавшись в комнате Лю Чанфэя, он немного растерялся. В комнате не было никаких следов присутствия другого человека, зато повсюду валялись одежда и учебники Лю Чанфэя, всё было грязно и беспорядочно.

— Сяо Сы, зачем ты пришёл? — Лю Чанфэй был на два года старше и учился с ним в одном классе. Он не был особо умным, но Лю Сычэнь был другим — внутри него жила душа тридцатилетнего мужчины, и даже если бы он был глупым, он смог бы ответить на вопросы первого класса. Поэтому Лю Сычэнь был любимчиком всех учителей в классе. Лю Чанфэй всегда относился к нему с сарказмом, и Лю Сычэнь в школе тоже старался его избегать.

— Где Гу Яо? Разве он не живёт с тобой? — Лю Сычэнь не стал ходить вокруг да около и задал вопрос напрямую.

— Зачем тебе этот дармоед? — Лю Чанфэй, постоянно слыша, как его мать ругается, тоже легко подхватил эту привычку.

Лю Сычэнь нахмурился, чувствуя лёгкое раздражение. В прошлый раз, когда Гу Яо помог спасти человека, он не сказал ни слова лишнего, действовал чётко и быстро, и даже не возражал против указаний пятилетнего ребёнка. В тот момент, когда ситуация с третьим дядей Лю была критической, Гу Яо смог слушать его, и это изменило мнение Лю Сычэня о нём. Внутри этот юноша не был таким холодным и высокомерным, каким казался.

Он помнил, как той ночью Гу Яо улыбнулся, передавая ему флягу с водой, и его улыбка, нарушившую тишину летней ночи, была настолько красивой и яркой, что вызывала радость.

— Я хочу взять у него книгу, отведи меня к нему, — Лю Сычэнь быстро сообразил и придумал отговорку.

— Он в кладовке, иди сам, мама не разрешает мне играть с больным, — Лю Чанфэй скривился.

Лю Сычэнь мысленно закатил глаза. Не то чтобы его мама запрещала ему играть с Гу Яо, она просто запрещала ему играть со всеми, потому что все дети обижали её Фэй Фэя.

Пока Лю Сычэнь мысленно возмущался и выходил из главного дома, Гу Яо уже вышел из маленькой и низкой кладовки. Лю Сычэнь уставился на него и направился к нему, но, встретившись с его спокойным взглядом, вся его решимость мгновенно испарилась.

— Я пришёл взять книгу, можно? — Лю Сычэнь поднял на него глаза и, не раздумывая, использовал ту же отговорку, что и для Лю Чанфэя.

Гу Яо слегка улыбнулся, глядя на большие и ясные глаза ребёнка, и не удержался, чтобы не потрепать его мягкие волосы.

— Конечно, заходи, — Гу Яо отступил в сторону, пропуская его вперёд.

Комната была маленькой и полутёмной, стены были сделаны из глиняных кирпичей, а окно затянуто полупрозрачной плёнкой. В углу был сложен простой деревянный настил, на котором лежало одеяло, привезённое Гу Яо. Три ящика были сложены в углу, а сломанный стул служил столиком у кровати, на котором стояла миска.

Лю Сычэнь вздохнул. Положение Гу Яо было хуже, чем он думал. В таких условиях не то что учиться, даже наесться было сложно. Тётя Лю вряд ли позволяла ему есть досыта.

— Ты это ел на обед? — Лю Сычэнь сел на кровать, ожидая, пока Гу Яо найдёт книгу, и заглянул в миску.

В миске была каша из грубого зерна, больше воды, чем крупы. Этого бы не хватило даже ему, не говоря уже о полувзрослом юноше.

— Да, — тихо ответил Гу Яо, продолжая искать.

— Ты больше не учишься? — Лю Сычэнь как бы невзначай задал вопрос.

— Учусь, как только дядя оформит документы, — Гу Яо на секунду замер и наконец достал из ящика книгу «Как закалялась сталь».

Гу Яо протянул ему книгу, и в его глазах появилась улыбка. Юноша присел на корточки, чтобы быть на уровне глаз ребёнка, и спросил:

— Так ты заботаешься обо мне?

Лю Сычэнь на мгновение замер, поражённый внезапной близостью этого красивого лица. Его сердце странно забилося, и он глупо ответил:

— Да!

Теперь очередь удивляться была за Гу Яо. Через мгновение он рассмеялся, щёлкнул ребёнка по лбу и, глядя, как тот хмурит брови и дуется, наконец не смог сдержать смеха.

Лю Сычэнь смотрел на него, завороженный. Это был первый раз, когда он видел, как юноша так открыто выражает эмоции. Его лицо, озарённое улыбкой, было как зимнее солнце, и даже в этой тёмной кладовке оно излучало тепло и свет, заставляя погружаться в его мягкость и нежность.

— Гу Яо, ты... хочешь переехать ко мне? — Лю Сычэнь только после этих слов понял, что сказал, и почувствовал лёгкую тревогу.

Гу Яо, всё ещё улыбаясь, положил руки на маленькие плечи Лю Сычэня, словно ошеломлённый. Он смотрел на нежное и милое лицо ребёнка, и в его холодном сердце появились тёплые волны, словно самая ценная доброта в мире. Он тихо ответил:

— Хорошо.

Тётю Лю звали Чжао Чуньхуа, и в деревне её прозвали «Чжао Болтунья». Она была известна своей любовью к сплетням и мелочностью. Увидев, что Лю Сычэнь пришёл к ней в дом, но не стал играть с её сыном, а вместо этого отправился в кладовку к «больному», она почувствовала сильное раздражение.

— Ой, а куда же подевался наш маленький доктор? Как это ты оказался в кладовке? Кстати, я

вчера простудилась, сегодня кашляю, может, ты мне пропишешь лекарство? Потом зайду к тебе домой за травками, — Чжао Чуньхуа, не предупредив, сразу вошла в комнату и начала говорить.

Гу Яо тут же нахмурился, медленно встал и посмотрел на женщину в дверях. Его спина была прямой, а взгляд стал острым, и весь его вид выражал отвращение к вошедшей.

Чжао Чуньхуа, однако, не обратила на это внимания, продолжая улыбаться, и, увидев книгу в руках Лю Сычэня, громко воскликнула:

— Ой, ты пришёл за книгой? Раз уж Гу Яо живёт у меня, то и книги, наверное, мои. Маленький доктор, раз уж ты взял книгу, скажи своему дедушке, чтобы дал скидку на лекарства.

Лю Сычэнь нахмурился:

— Тётя, я взял книгу у Гу Яо, и цены на лекарства я не устанавливаю, это решает мой дедушка.

— И, тётя, не называй меня маленьким доктором, зови меня Сяо Сы, это странно, — Лю Сычэнь был смущён, так как после прошлого случая дедушка отругал его, но деревенские жители продолжали шуточно называть его «маленьким доктором», что вызывало у него стыд и досаду.

— Это не просто слова, Сяо Сы, ты в пять лет смог спасти человека, это все видели. Я думаю, тебе и учиться не нужно, учись у дедушки медицине, открой в уезде аптеку, и будешь жить припеваючи, не зная забот, — Чжао Чуньхуа улыбалась, но в её голосе звучала зависть. — А наш Фэй Фэй, глупый, эх! Ему только в поле работать.

— Зачем ты ему это говоришь? Учится он или нет, это не твоё дело, — Гу Яо резко прервал её, и это сразу вывело Чжао Чуньхуа из себя.

— Ой, ты... как ты со мной разговариваешь? Ты живёшь у меня, ешь мой хлеб, а теперь ещё и грубишь? Полувзрослый парень, а ест как взрослый, мы тебя кормим, а сами чуть не голодаем! Фэй Фэй уже похудел! Ты неблагодарный! Ох, как же мне не повезло с тобой! — Чжао Чуньхуа повысила голос, крича так, будто хотела, чтобы её слышали во всей округе.

— Живу за твой счёт? — Гу Яо холодно усмехнулся. — Разве Гу Чжэньхуа не отправлял тебе деньги?

Чжао Чуньхуа побледнела, словно ей перехватило горло, и не смогла вымолвить ни слова.

— Ты... ты, этих денег хватило только на пару обедов... — Через некоторое время она опомнилась, бросив взгляд на Лю Сычэня, который смотрел на них с широко открытыми глазами, и поспешно оправдалась. Она на людях всегда утверждала, что приютила ребёнка родственника, но никогда не упоминала о деньгах.